

Уильям Шекспир

Сонеты

СТИХИ О ЛЮБВИ

Москва • Санкт-Петербург
2016

Шекспир У.

Сонеты. Стихи о любви / Пер. В. Вайнберга. — М. ; СПб., 2016. — 128 с.

1

Успеха ждём мы, чтобы был велик,
 Чтоб красота жила, не умирая.
 Но время не хранит её чудесный миг,
 Хранит её лишь память молодая.

Когда глазами видишь красоту,
 Все лучшие ей посвящая строки,
 Язык твой превращает в пустоту
 Её, как враг, бездушный и жестокий.

Твой артистизм нам льётся через край,
 Как краткий блеск весны, её глашатай, —
 Ты красоту своим потомкам передай,
 И береги свой вкус, пусть с малою утратой.

Так прославляй же мир, ему передавай
 Прошедших лет прекрасный урожай!

2

Когда лицо твоё взойдёт за сорок зим,
 И красоту его избородят морщины,
 Ты будешь восхищаться обликом своим,
 И красотой его лишь жалкой половины.

I

From fairest creatures we desire increase,
 That thereby beauty's rose might never die,
 But as the riper should by time decease,
 His tender heir might bear his memory:

But thou contracted to thine own bright eyes,
 Feed'st thy light's flame with self-substantial fuel,
 Making a famine where abundance lies,
 Thy self thy foe, to thy sweet self too cruel:

Thou that art now the world's fresh ornament,
 And only herald to the gaudy spring,
 Within thine own bud buriest thy content,
 And, tender churl, mak'st waste in niggarding:

Pity the world, or else this glutton be,
 To eat the world's due, by the grave and thee.

II

When forty winters shall besiege thy brow,
 And dig deep trenches in thy beauty's field,
 Thy youth's proud livery so gazed on now,
 Will be a totter'd weed of small worth held:

Тогда спроси, зачем красивость лжёт?
Зачем сокровища тех дней исчезли,
Зачем на дне бесстыжих глаз налёт
И мерзость от похвал туда пролезли?

Куда достойней хвастать красотой
И волшебством детей, а не своей персоной.
В них брызжет свежесть простотой,
А не скрывает злую старость в оной.

Пускай твоё искусство старое живёт,
И греет кровь, когда любовь умрёт.

3

Прекрасный облик в зеркале ты видишь,
В своём лице ты своему ребёнку передашь
Свои черты. Не то природу ты обидишь,
Благословения своим потомкам не отдашь.

Какая женщина не будет рада
Отдать тебе невспаханную новь?
Или любви и радости тебе не надо, —
Так велика к себе безмерная твоя любовь?

Then being asked, where all thy beauty lies,
Where all the treasure of thy lusty days;
To say, within thine own deep sunken eyes,
Were an all-eating shame, and thriftless praise.

How much more praise deserv'd thy beauty's use,
If thou couldst answer 'This fair child of mine
Shall sum my count, and make my old excuse,'
Proving his beauty by succession thine!

This were to be new made when thou art old,
And see thy blood warm when thou feel'st it cold.

III

Look in thy glass and tell the face thou viewest
Now is the time that face should form another;
Whose fresh repair if now thou not renewest,
Thou dost beguile the world, unbless some mother.

For where is she so fair whose unear'd womb
Disdains the tillage of thy husbandry?
Or who is he so fond will be the tomb
Of his self-love, to stop posterity?

Для матери служение театру — отраженье
Давно промчавшихся её весенних дней;
И ты найдёшь под старость утешенье
В её глазах о юности своей.

Но, ограничившись театром и своей судьбой,
Ты сам умрёшь, и образ твой — с тобой.

4

Ты тратишь то, что не имей цены,
Даст красоту тебе — дары природы.
Они займы тебе привнесены
В залог твоей безудержной свободы.

Присвоив красоту, ты бесконечно рад
Своей неограниченной удаче.
Но разве ты не укрываешь клад,
Порученный тебе для передачи?

Самим собой ты выбираешь путь,
Себя лишая лакомств избирания,
Когда природа, чтоб тебя лягнуть,
Приложит все к тебе свои старанья.

Thou art thy mother's glass and she in thee
Calls back the lovely April of her prime;
So thou through windows of thine age shalt see,
Despite of wrinkles this thy golden time.

But if thou live, remember'd not to be,
Die single and thine image dies with thee.

IV

Unthrifty loveliness, why dost thou spend
Upon thy self thy beauty's legacy?
Nature's bequest gives nothing, but doth lend,
And being frank she lends to those are free:

Then, beauteous niggard, why dost thou abuse
The bounteous largess given thee to give?
Profitless usurer, why dost thou use
So great a sum of sums, yet canst not live?

For having traffic with thy self alone,
Thou of thy self thy sweet self dost deceive:
Then how when nature calls thee to be gone,
What acceptable audit canst thou leave?

Твоя не взятая другими красота
Уйдёт к другим, совсем уже не та.

5

Все те часы так радостны для глаз,
Когда в игре смотрю твои работы,
Когда тираны окружают нас
В твоей игре, где нет фальшивой ноты.

Бегущим временем стремится летний день
В зиме исчезнуть и остаться в ней.
Замёрзла павших прошлых листьев сень,
Покрылась снегом красота тех дней.

Затем совсем исчезла летняя пора,
Вода замёрзла толстой коркой льда.
Ведь красота была ещё вчера,
Её мы вспомним только иногда.

Зимой свой блеск утратили цветы,
Но сохранили душу красоты.

Thy unused beauty must be tomb'd with thee,
Which, used, lives th' executor to be.

V

Those hours, that with gentle work did frame
The lovely gaze where every eye doth dwell,
Will play the tyrants to the very same
And that unfair which fairly doth excel;

For never-resting time leads summer on
To hideous winter, and confounds him there;
Sap checked with frost, and lusty leaves quite gone,
Beauty o'er-snowed and bareness every where:

Then were not summer's distillation left,
A liquid prisoner pent in walls of glass,
Beauty's effect with beauty were bereft,
Nor it, nor no remembrance what it was:

But flowers distill'd, though they with winter meet,
Leese but their show; their substance still lives sweet.

Не позволяй же, чтоб рука зимы
 К тебе не забредала летом.
 Фиал сокровищ не осветит тьмы
 Среди цветов в убранстве неодетом.

Ты, получивший драгоценный взнос
 Как человек, отдаренный приватно.
 Свою корзину счастья, чтоб понёс,
 Умножив сам его десятикратно.

Ты будешь жить на сцене десять раз,
 И многократно в пьесах появляться,
 И вправе будешь в свой последний час
 Торжествовать и к жизни возрождаться.

Всегда будь щедро одарён судьбой,
 Чтобы на сцене был всегда успех с тобой.

Лишь на Востоке возгорит рассвет
 И блеском ослепит твои глаза.
 Душе твоей он шлёт привет,
 И с радостью блеснёт в глазах слеза.

Then let not winter's ragged hand deface,
 In thee thy summer, ere thou be distilled:
 Make sweet some vial; treasure thou some place
 With beauty's treasure ere it be self-killed.

That use is not forbidden usury,
 Which happies those that pay the willing loan;
 That's for thy self to breed another thee,
 Or ten times happier, be it ten for one;

Ten times thy self were happier than thou art,
 If ten of thine ten times refigured thee:
 Then what could death do if thou shouldst depart,
 Leaving thee living in posterity?

Be not self-willed, for thou art much too fair
 To be death's conquest and make worms thine heir.

Lo! in the orient when the gracious light
 Lifts up his burning head, each under eye
 Doth homage to his new-appearing sight,
 Serving with looks his sacred majesty;

Когда в полдневной вышине
Мы поднимаемся в расцвете сил,
Стоим от восхищенья в тишине
В преддверии у золотых могил.

Когда же на закате наших дней
Карета возраста нам завершает круг,
Пусть не ослепнут в твоей славе от огней
Глаза твоих поклонников и слуг.

Ты точно так, из жизни уходя,
Оставь нам сына, старость хороня.

8

Ты слышишь музыку? Она — не музыкальна?
Её ты внемлешь с грустью и тоской?
Зачем же любишь то, что так печально,
Печаль встречаешь с радостью такой?

Но если согласованные звуки
В своём союзе твой ласкают слух,
Где тайная причина этой муки?
Не потому ль ты к счастью слеп и глух?

And having climbed the steep-up heavenly hill,
Resembling strong youth in his middle age,
Yet mortal looks adore his beauty still,
Attending on his golden pilgrimage:

But when from highmost pitch, with weary car,
Like feeble age, he reeleth from the day,
The eyes, 'fore duteous, now converted are
From his low tract, and look another way:

So thou, thyself outgoing in thy noon
Unlooked on diest unless thou get a son.

VIII

Music to hear, why hear'st thou music sadly?
Sweets with sweets war not, joy delights in joy:
Why lov'st thou that which thou receiv'st not gladly,
Or else receiv'st with pleasure thine annoy?

If the true concord of well-tuned sounds,
By unions married, do offend thine ear,
They do but sweetly chide thee, who confounds
In singleness the parts that thou shouldst bear.

Прислушайся, как дружат струны,
Подобно счастью матери с дитём.
Лишь только слышен голос юный,
Когда они находятся вдвоём.

Нам безголосье говорит, поверьте,
Что одинокий путь страшнее смерти.

9

Иль ты боишься вдовьих слёз,
Когда б ты не связал себя любовью?
Но если б неумолимый рок тебя унёс,
Тогда бы мир оделся в горе вдовье.

В твоём ребёнке безутешная вдова
Твой образ находила б в отраженье,
А ты ей не подаришь существа
На счастье и на радость в утешенье.

Смотри, когда несчастье в мире пропадёт,
То на её месте радость остаётся.
Но красота бесследно промелькнёт,
И молодость исчезнув, не вернётся.

Mark how one string, sweet husband to another,
Strikes each in each by mutual ordering;
Resembling sire and child and happy mother,
Who, all in one, one pleasing note do sing:

Whose speechless song being many, seeming one,
Sings this to thee: 'Thou single wilt prove none.'

IX

Is it for fear to wet a widow's eye,
That thou consum'st thy self in single life?
Ah! if thou issueless shalt hap to die,
The world will wail thee like a makeless wife;

The world will be thy widow and still weep
That thou no form of thee hast left behind,
When every private widow well may keep
By children's eyes, her husband's shape in mind:

Look what an unthrift in the world doth spend
Shifts but his place, for still the world enjoys it;
But beauty's waste hath in the world an end,
And kept unused the user so destroys it.

Тот, кто не любит в мире никого,
Тот и себя не любит самого!

10

По совести скажу, что ты любим любому,
Кто твоему искусству рад.
Но и оно принадлежит другому,
Ни одному тебе заслуживать наград.

Твой лютый враг не знает сожаленья,
Под маской дружбы он вползает в дом,
Красуясь в нём под крышей обновленья,
А ты желал бы обмануться в нём.

Переменись, как я б переменялся.
Имел бы ты в душе любовь, иль не имел?
Будь как сейчас, чтоб сразу изменился,
И стал бы щедрым ты, и подобрел.

И пусть другим ты станешь, полюбив меня.
А красота останется на долгом лоне дня.

No love toward others in that bosom sits
That on himself such murd'rous shame commits.

X

For shame deny that thou bear'st love to any,
Who for thy self art so unprovident.
Grant, if thou wilt, thou art beloved of many,
But that thou none lov'st is most evident:

For thou art so possessed with murderous hate,
That 'gainst thy self thou stick'st not to conspire,
Seeking that beauteous roof to ruinate
Which to repair should be thy chief desire.

O! change thy thought, that I may change my mind:
Shall hate be fairer lodged than gentle love?
Be, as thy presence is, gracious and kind,
Or to thyself at least kind-hearted prove:

Make thee another self for love of me,
That beauty still may live in thine or thee.

Стареем быстро — так же, как растём.
 В своих потомках, в новом поколенье.
 И свежей крови есть в наследнике твоём,
 Об этом не впадай в сомненье.

Вот в этом мудрость и красоты закон.
 А без него бы не было порядков.
 Была бы старость, похоронный звон,
 И мир исчез лет через шесть десятков.

А кто природе был не мил,
 Пускай исчезнет безвозвратно.
 Но ты дары такие получил,
 Их возвратить ты должен многократно.

Твою искусно вырезанную стать
 Хочу векам как оттиск передать.

Когда часы укажут мне пору
 Спуститься дню в ночную тьму;
 Когда фиалки отцветут в бору,
 И тёмный локон стал подобен льну;

As fast as thou shalt wane, so fast thou grow'st
 In one of thine, from that which thou departest;
 And that fresh blood which youngly thou bestow'st,
 Thou mayst call thine when thou from youth convertest.

Herein lives wisdom, beauty, and increase;
 Without this folly, age, and cold decay:
 If all were minded so, the times should cease
 And threescore year would make the world away.

Let those whom nature hath not made for store,
 Harsh, featureless, and rude, barrenly perish:
 Look whom she best endow'd, she gave the more;
 Which bounteous gift thou shouldst in bounty cherish:

She carv'd thee for her seal, and meant thereby,
 Thou shouldst print more, not let that copy die.

When I do count the clock that tells the time,
 And see the brave day sunk in hideous night;
 When I behold the violet past prime,
 And sable curls, all silvered o'er with white;

Когда деревья сбросят всю листву,
Спасавшую стада в полдневный зной,
Когда в снопы увяжут летнюю траву,
В скопы, как в куклы с длинной бородой,

Тогда задам вопрос о красоте твоей,
Когда и ей придётся отцвести,
Как всем растениям лесов, полей,
Затем, чтоб новые могли расти.

Но призрак смерти пусть неумолим,
Рождай потомков, чтобы спорить с ним!

13

Не изменяй себе и будь самим собой.
Ты можешь очень-очень долго жить.
Когда же смерть предстанет пред тобой,
Тебя пусть кто-то сможет заменить.

Тебя природа наградила красотой
На очень краткий, как мгновенье, миг,
Перед тобой есть путь простой,
Отдай её в наследство напрямик.

When lofty trees I see barren of leaves,
Which erst from heat did canopy the herd,
And summer's green all girded up in sheaves,
Borne on the bier with white and bristly beard,

Then of thy beauty do I question make,
That thou among the wastes of time must go,
Since sweets and beauties do themselves forsake
And die as fast as they see others grow;

And nothing 'gainst Time's scythe can make defence
Save breed, to brave him when he takes thee hence.

XIII

O! that you were your self; but, love, you are
No longer yours, than you your self here live:
Against this coming end you should prepare,
And your sweet semblance to some other give:

So should that beauty which you hold in lease
Find no determination; then you were
Yourself again, after yourself's decease,
When your sweet issue your sweet form should bear.

Кто с мужеством содержит дом,
Не дрогнет перед ужасом зимы.
Прекрасное всё сохранится в нём
Без лютой смерти, холода и тьмы.

И пусть слова “Мой дорогой чудак”
Сын о тебе сказал бы только так.

14

Я не по звёздам о судьбе сужу,
И астрономия не скажет мне,
Какие звезды в небе укажу
К чуме, морозу, голоду, зиме.

Не предскажу хорошую погоду,
И дождь иль ветер выдаст календарь,
И не могу сказать по небосводу,
Каким предстанет новый государь.

Но вижу я в твоих глазах решенье,
Я их по верным звёздам узнаю,
Ведь, правда с красотой — одно знаменье,
Им вместе быть в одном строю.

Who lets so fair a house fall to decay,
Which husbandry in honour might uphold,
Against the stormy gusts of winter's day
And barren rage of death's eternal cold?

O! none but unthrifths. Dear my love, you know,
You had a father: let your son say so.

XIV

Not from the stars do I my judgement pluck;
And yet methinks I have Astronomy,
But not to tell of good or evil luck,
Of plagues, of dearths, or seasons' quality;

Nor can I fortune to brief minutes tell,
Pointing to each his thunder, rain and wind,
Or say with princes if it shall go well
By oft predict that I in heaven find:

But from thine eyes my knowledge I derive,
And, constant stars, in them I read such art
As truth and beauty shall together thrive,
If from thyself, to store thou wouldst convert;

Ведь только так под гробовой плитою
Быть правде вместе с красотою.

15

Когда считаю я, как каждый миг бесценный
От смерти отделяет завершённый рост,
Что этот мир — большие сцены
Сменяются под хороводом звёзд,

Людей, как всходы нежные растений,
Хранят и пестуют нас сами небеса,
От родов в нас восходит юный гений,
Но после сникнет наша сила и краса.

О, как я дорожу твоим богатым миром,
Переходящим с негой в красоту.
Пусть жизнь закончится весёлым пиром
Со светлым днём, сходящим в темноту.

Но пусть борьба со временем твоим
Твою любовь навек помирят с ним.

Or else of thee this I prognosticate:
Thy end is truth's and beauty's doom and date.

XV

When I consider every thing that grows
Holds in perfection but a little moment,
That this huge stage presenteth nought but shows
Whereon the stars in secret influence comment;

When I perceive that men as plants increase,
Cheered and checked even by the self-same sky,
Vaunt in their youthful sap, at height decrease,
And wear their brave state out of memory;

Then the conceit of this inconstant stay
Sets you most rich in youth before my sight,
Where wasteful Time debateth with decay
To change your day of youth to sullied night,

And all in war with Time for love of you,
As he takes from you, I engraft you new.

Но если путь придётся одолеть с досадой,
 То почему в борьбе свою тиранить кровь?
 Не защитишь ты молодость оградой
 С такой же силой, как мои стихи любовь?

Сейчас стоишь ты на вершине счастья,
 И много юных девственных сердец
 Хотят принять в судьбе твоей участие,
 Твой нежный образ нарисуют, наконец,

Твой контур жизни подрумянит
 Мой карандаш или перо,
 Глаз не убавит, ни добавит
 От жизни лишнего чего.

Отдав себя, ты сохраняешь сдуру,
 И не себя, а собственную шкуру.

Но кто ж поверит доблестям твоим,
 Превозносимых с пышностью десерта?
 И пусть ты Богом в небесах храним,
 Ведь правду сыщут с помощью экспертов.

But wherefore do not you a mightier way
 Make war upon this bloody tyrant, Time?
 And fortify your self in your decay
 With means more blessed than my barren rhyme?

Now stand you on the top of happy hours,
 And many maiden gardens, yet unset,
 With virtuous wish would bear you living flowers,
 Much liker than your painted counterfeit:

So should the lines of life that life repair,
 Which this, Time's pencil, or my pupil pen,
 Neither in inward worth nor outward fair,
 Can make you live your self in eyes of men.

To give away yourself, keeps yourself still,
 And you must live, drawn by your own sweet skill.

Who will believe my verse in time to come,
 If it were fill'd with your most high deserts?
 Though yet heaven knows it is but as a tomb
 Which hides your life, and shows not half your parts.

Ах, если можно было б прелесть глаз
Всем передать с букетом твоих граций?
Потомки скажут: — И обманывают же нас
В придачу с сотней приданных нотаций!

Пусть старый пожелтевший лист
Вам скажет правду больше, чем язык.
Потомки обзовут: — Шекспир речист,
И как актёр он только лгать привык.

Но доживи твой сын до тех времён,
Им мой сонеток был бы подтверждён.

18

Сравню ль тебя я с летним днём?
Твой артистизм храбрее, ярче, краше.
Ведь майские цветы ломаются с дождём,
Так пасмурно и кратко лето наше!

Нас ослепляет небо иногда,
А ясный день скрывает непогода.
Как праздником нам кажется всегда
Своей волшебной прихотью природы.

16

If I could write the beauty of your eyes,
And in fresh numbers number all your graces,
The age to come would say 'This poet lies;
Such heavenly touches ne'er touch'd earthly faces.'

So should my papers, yellow'd with their age,
Be scorn'd, like old men of less truth than tongue,
And your true rights be term'd a poet's rage
And stretched metre of an antique song:

But were some child of yours alive that time,
You should live twice, in it, and in my rhyme.

XVIII

Shall I compare thee to a summer's day?
Thou art more lovely and more temperate:
Rough winds do shake the darling buds of May,
And summer's lease hath all too short a date:

Sometime too hot the eye of heaven shines,
And often is his gold complexion dimmed,
And every fair from fair sometime declines,
By chance, or nature's changing course untrimmed:

А у тебя всегда стоит чудесный день,
Не убывает, не проходит лето.
И смерть тебя не уведёт, не скроет в тень —
Ты будешь вечно жить в строках сонетов.

Среди живущих ты пробудешь до тех пор,
Пока мои сонеты видит чей-то взор.

19

Так время жмёт, как в грубых лапах льва.
Из пасти тигра Землю оторви,
У них за долг в зубах земные существа,
И птицу феникс жги в её крови.

Будь добр в любой погоде, как весной,
За каждой неудачей догоняй успех.
Дарю тебе весь мир с надеждою одной —
Тебе я запрещаю только смертный грех.

Античное перо твои рисует брови
И бороздит весьма тупым резцом.
Пускай такие скромные дела любви
Для всех времён послужат образцом.

But thy eternal summer shall not fade,
Nor lose possession of that fair thou ow'st,
Nor shall death brag thou wander'st in his shade,
When in eternal lines to time thou grow'st,

So long as men can breathe, or eyes can see,
So long lives this, and this gives life to thee.

XIX

Devouring Time, blunt thou the lion's paws,
And make the earth devour her own sweet brood;
Pluck the keen teeth from the fierce tiger's jaws,
And burn the long-liv'd phoenix, in her blood;

Make glad and sorry seasons as thou fleet'st,
And do whate'er thou wilt, swift-footed Time,
To the wide world and all her fading sweets;
But I forbid thee one most heinous crime:

O! carve not with thy hours my love's fair brow,
Nor draw no lines there with thine antique pen;
Him in thy course untainted do allow
For beauty's pattern to succeeding men.

А коль тебя перо не вдохновит,
Мой стих любовь Прекрасно сохранит!

20

Лишь женское лицо твоей натуре
По случаю природа придала.
Оно к лицу твоей мужской фигуре,
Но фальшь тебе к изменам не дала.

Лик женщины твой строже, не спесивый,
Тебе добавилось и мужское естество,
Ты в мужестве стал более красивым,
Актёрское он прибавил мастерство.

Лишён лукавства нежный взгляд,
Когда обозреваешь всё вокруг.
Его поймать бы каждый рад,
Он и друзьям приятен и пленит подруг.

Стоит вопрос — мне быть или не быть!
Со мной дружи, им дай — сокровища любить.

Yet, do thy worst old Time: despite thy wrong,
My love shall in my verse ever live young.

XX

A woman's face with nature's own hand painted,
Hast thou, the master mistress of my passion;
A woman's gentle heart, but not acquainted
With shifting change, as is false women's fashion:

An eye more bright than theirs, less false in rolling,
Gilding the object whereupon it gazeth;
A man in hue all hues in his controlling,
Which steals men's eyes and women's souls amazeth.

And for a woman wert thou first created;
Till Nature, as she wrought thee, fell a-doting,
And by addition me of thee defeated,
By adding one thing to my purpose nothing.

But since she prick'd thee out for women's pleasure,
Mine be thy love and thy love's use their treasure.

Я не сражусь с создателями Муз,
 Стихи несущих крашеной красотке.
 С одним лишь небом будет мой союз.
 Я не подвержен поэтической чесотке.

Пуškai же с гордостью они тебя возносят,
 И между собою в комплиментах спорят.
 Пуškai в стихах Луну с Землёй подносят,
 Цветы, сокровища земли и моря.

Любовь и правда — всё в моих стихах,
 Ведь наша дружба так прекрасна,
 Как матери дитя в её глазах,
 Как золото в свечах и в Солнце ясном.

Пусть говорит молва, что мы с тобой в Раю,
 Но я молитв своих не продаю!

Лжёт зеркало, что я уж очень стар,
 Я молодость твою сейчас делю с собой.
 Но постареешь ты, хоть дружба не товар,
 Я буду знать, что побеждён судьбой.

So is it not with me as with that Muse,
 Stirred by a painted beauty to his verse,
 Who heaven itself for ornament doth use
 And every fair with his fair doth rehearse,

Making a couplement of proud compare
 With sun and moon, with earth and sea's rich gems,
 With April's first-born flowers, and all things rare,
 That heaven's air in this huge rondure hems.

O! let me, true in love, but truly write,
 And then believe me, my love is as fair
 As any mother's child, though not so bright
 As those gold candles fixed in heaven's air:

Let them say more that like of hearsay well;
 I will not praise that purpose not to sell.

My glass shall not persuade me I am old,
 So long as youth and thou are of one date;
 But when in thee time's furrows I behold,
 Then look I death my days should expiate.

Как в зеркало, глядясь в свои черты,
Я сердцу своему кажусь моложе.
Мне сердце молодое даришь ты,
А я дарю тебе своё искусство тоже.

Старайся нашу дружбу сберечь —
Не для меня — храню я верность другу.
А я готов любовь свою держать,
Чтоб не отдать тебя ни горю, ни недугу.

У наших двух сердец судьба одна —
Умрёт моё — и станет жизнь твоя бедна!

23

Как тот актёр, робеющий на сцене,
Кто слёзы льёт, не зная своей роли,
И как глупец на цирковой арене,
В избытке сил теряет силу воли,

Так я молчу, забыв тебе сказать,
Не оттого, что дружба охладела.
Нет, но мои уста не могут не молчать,
Но говорить мне дружба не велела.

For all that beauty that doth cover thee,
Is but the seemly raiment of my heart,
Which in thy breast doth live, as thine in me:
How can I then be elder than thou art?

O! therefore love, be of thyself so wary
As I, not for myself, but for thee will;
Bearing thy heart, which I will keep so chary
As tender nurse her babe from faring ill.

Presume not on thy heart when mine is slain,
Thou gav'st me thine not to give back again.

XXIII

As an unperfect actor on the stage,
Who with his fear is put beside his part,
Or some fierce thing replete with too much rage,
Whose strength's abundance weakens his own heart;

So I, for fear of trust, forget to say
The perfect ceremony of love's rite,
And in mine own love's strength seem to decay,
O'ercharg'd with burthen of mine own love's might.

Так пусть мои сонеты говорят,
Так пусть они — безмолвный мой ходатай,
Идут к тебе, меня вознаградят,
И справедливой будет мне расплатой.

Учись читать, о чём любовь молчит,
Услышь глазами — дружба так велит.

24

Мой глаз, как и художник и гравёр,
Изобразил в груди моей незримо
Всю красоту и перспективный кругозор,
Твоё искусство, мной в себе хранимо.

Через глаза артиста вижу плоть свою,
Как сквозь твои глаза в оконной раме,
Как будто я на сцене сам с тобой пою,
Смотря в тебя влюблёнными глазами.

Мои глаза с твоими скреплены —
Своими я тебя в душе своей рисую.
Твои глаза с небесной вышины
Как Солнце сжечь меня рискуют.

O! let my looks be then the eloquence
And dumb presagers of my speaking breast,
Who plead for love, and look for recompense,
More than that tongue that more hath more express'd.

O! learn to read what silent love hath writ:
To hear with eyes belongs to love's fine wit.

XXIV

Mine eye hath play'd the painter and hath steel'd,
Thy beauty's form in table of my heart;
My body is the frame wherein 'tis held,
And perspective it is best painter's art.

For through the painter must you see his skill,
To find where your true image pictur'd lies,
Which in my bosom's shop is hanging still,
That hath his windows glazed with thine eyes.

Now see what good turns eyes for eyes have done:
Mine eyes have drawn thy shape, and thine for me
Are windows to my breast, where-through the sun
Delights to peep, to gaze therein on thee;

Увы, мои глаза твоей игрой ослеплены,
Твои — моими пьесами всегда увлечены.

25

Тот, кто у звёзд своих в большом фаворе,
Гордится славой, доблестью и властью.
А у меня фортуна — праздник с горем,
Когда любовь — один источник к счастью.

Орёл легата крылья распротёр,
Как маргаритка лепестки под солнцем,
Но гаснет ложной доблести узор,
Как у могилы славы взгляд из-за оконца.

Воспетый полководец, баловень войны,
За тысячей побед он терпит поражение,
И честь его, не знавшая вины,
Ему позор оставит и в веках забвеньё.

Но, к счастью, я люблю и был любим,
Поэтому угрозы нет всем титулам моим.

Yet eyes this cunning want to grace their art,
They draw but what they see, know not the heart.

XXV

Let those who are in favour with their stars
Of public honour and proud titles boast,
Whilst I, whom fortune of such triumph bars
Unlook'd for joy in that I honour most.

Great princes' favourites their fair leaves spread
But as the marigold at the sun's eye,
And in themselves their pride lies buried,
For at a frown they in their glory die.

The painful warrior famed for fight,
After a thousand victories once foiled,
Is from the book of honour razed quite,
And all the rest forgot for which he toiled:

Then happy I, that love and am beloved,
Where I may not remove nor be removed.

Я раб любви и сильно долгом связан
 Послать к тебе стихи всё о любви своей.
 И ты по дружбе их принять обязан,
 Как долг передо мной в нескромности моей.

Мой долг велик, мой бедный ум трепещет.
 Я не нашёл ещё к тебе достойных слов.
 Но, если чувства есть, а ум не блещет,
 Ты не прогонишь сих моих плохих послов.

Пока созвездия меня вперёд ведут
 Волшебной и неведомой дорогой.
 Быть может, к счастью, хоть они найдут
 Нежданный блеск в моей судьбе убогой.

Тогда любовь я в блеске покажу свою,
 А до поры хотел бы я сказать, но всё же утаю.

Уставши от трудов, спешу в свою постель,
 Блаженство бодрости чтоб обрести в пути,
 Но только лягу, ясно вижу цель,
 Мне лишь в мечтах бы до неё дойти:

Lord of my love, to whom in vassalage
 Thy merit hath my duty strongly knit,
 To thee I send this written embassage,
 To witness duty, not to show my wit:

Duty so great, which wit so poor as mine
 May make seem bare, in wanting words to show it,
 But that I hope some good conceit of thine
 In thy soul's thought, all naked, will bestow it:

Till whatsoever star that guides my moving,
 Points on me graciously with fair aspect,
 And puts apparel on my tottered loving,
 To show me worthy of thy sweet respect:

Then may I dare to boast how I do love thee;
 Till then, not show my head where thou mayst prove me.

Weary with toil, I haste me to my bed,
 The dear repose for limbs with travel tired;
 But then begins a journey in my head
 To work my mind, when body's work's expired:

Мои мечты и мысли далеко,
Хотят идти к тебе дорогой пилигрима,
И крепко держат веки широко,
Чтоб ночью даже и слепому было зримо.

Спаси воображённый взгляд моей души.
Присутствует он тенью в моём взоре,
Как драгоценности висят во тьме ночной,
Так красотой они блестят в ночном дозоре.

Вот, днём — святой листок, а ночью — мысли
И на тебе и мне беспомощно повисли.

28

Как мне вернуть столь благодный покой,
И мне отведать отдых запрещённый?
Когда мой день подмят ночной тоской,
А ночь предстанет мыслью освещённой.

А день и ночь — враги между собой —
Встречаясь, мирно подают друг другу руки.
Тружусь ли днём, отвергнут ли судьбой,
Я по тебе всегда грущу в разлуке.

For then my thoughts--from far where I abide--
Intend a zealous pilgrimage to thee,
And keep my drooping eyelids open wide,
Looking on darkness which the blind do see:

Save that my soul's imaginary sight
Presents thy shadow to my sightless view,
Which, like a jewel hung in ghastly night,
Makes black night beautiful, and her old face new.

Lo! thus, by day my limbs, by night my mind,
For thee, and for myself, no quiet find.

XXVIII

How can I then return in happy plight,
That am debarred the benefit of rest?
When day's oppression is not eas'd by night,
But day by night and night by day oppress'd,

And each, though enemies to either's reign,
Do in consent shake hands to torture me,
The one by toil, the other to complain
How far I toil, still farther off from thee.

Спросить бы день: — Как творчество, оно
Ему на что-нибудь хорошее похоже?
Так ли от туч на небе — как грязное пятно,
Иль как от звёзд — на светлый день погожий?

Но все печальней следующий день,
Всё отращает в горе, как ночная тень.

29

Когда в раздоре счастье и судьба,
Я выметаю годы, полные невзгод,
И у меня одна лишь голая мольба
Тревожит равнодушный небосвод:

Я жалуясь на счастье лишь в надежде,
Что поменяюсь жребием своим
С тем, кто в моём искусстве прежде
И больше преуспел над ним.

Тогда я о тебе внезапно вспомнил,
И малодушье спрятал в глубину,
И жаворонком вспорхнул, и я исполнил,
Чтобы душа моя взлетела в вышину.

I tell the day, to please him thou art bright,
And dost him grace when clouds do blot the heaven:
So flatter I the swart-complexion'd night,
When sparkling stars twire not thou gild'st the even.

But day doth daily draw my sorrows longer,
And night doth nightly make grief's length seem stronger.

XXIX

When in disgrace with fortune and men's eyes
I all alone beweeep my outcast state,
And trouble deaf heaven with my bootless cries,
And look upon myself, and curse my fate,

Wishing me like to one more rich in hope,
Featured like him, like him with friends possessed,
Desiring this man's art, and that man's scope,
With what I most enjoy contented least;

Yet in these thoughts my self almost despising,
Haply I think on thee, and then my state,
Like to the lark at break of day arising
From sullen earth, sings hymns at heaven's gate;

С твоей любовью, ты сокровищ всех милей,
Я королей на свете всех богаче и сильней.

30

Когда на суд безмолвных сладких дум
Я вызываю тень друзей, свои воспоминанья,
Вздыхаю об утратах, приходящих мне на ум,
Чтоб старой болью обновить свои страданья.

Из глаз, не знавших слёз, течёт поток
О тех, кого безвременно взяла могила,
Скорблю любовь, погибшую не в срок,
И всё, что в моей жизни было мило.

Веду я счёт всем горестным потерям,
И ужасаюсь вновь потерям каждым,
И вновь стонаю по утратам, себе не веря,
Что заплачу, за что уже платил однажды!

Но прошлое, мой друг, я нахожу в тебе
Потерям всем готов простить своей судьбе.

For thy sweet love remembered such wealth brings
That then I scorn to change my state with kings.

XXX

When to the sessions of sweet silent thought
I summon up remembrance of things past,
I sigh the lack of many a thing I sought,
And with old woes new wail my dear time's waste:

Then can I drown an eye, unused to flow,
For precious friends hid in death's dateless night,
And weep afresh love's long since cancell'd woe,
And moan the expense of many a vanish'd sight:

Then can I grieve at grievances foregone,
And heavily from woe to woe tell o'er
The sad account of fore-bemoaned moan,
Which I new pay as if not paid before.

But if the while I think on thee, dear friend,
All losses are restor'd and sorrows end.

В твоей груди мне дороги сердца,
 Которые в ней умерли подобно смерти;
 Они остались в облике у твоего лица,
 А мне казалось, что исчезли эти черты.

Как много ты над ними пролил слёз,
 Украд из глаз моих почтение о них, и снова
 Призрак смерти перед нами их вознёс,
 И обнаружилась их скрытая и ложная основа.

Твоё искусство есть могила,
 В ней в жизнь перегорит любовь.
 Висит призом тебе любимец милый,
 Благодарни же за него ты многих вновь.

Все дорогие образы в тебе я нахожу,
 Я весь тебе и им — принадлежу.

О, если переживёшь ты день печали,
 Когда меня накроют гробовой доской,
 Ты эти строки перечтёшь вначале,
 Начертанные дружеской рукой, —

Thy bosom is endeared with all hearts,
 Which I by lacking have supposed dead;
 And there reigns Love, and all Love's loving parts,
 And all those friends which I thought buried.

How many a holy and obsequious tear
 Hath dear religious love stol'n from mine eye,
 As interest of the dead, which now appear
 But things remov'd that hidden in thee lie!

Thou art the grave where buried love doth live,
 Hung with the trophies of my lovers gone,
 Who all their parts of me to thee did give,
 That due of many now is thine alone:

Their images I lov'd, I view in thee,
 And thou (all they) hast all the all of me.

If thou survive my well-contented day,
 When that churl Death my bones with dust shall cover
 And shalt by fortune once more re-survey
 These poor rude lines of thy deceased lover,

Сравнишь ли ты меня тогда и молодёжь?
Её искусство будет много выше.
Но пусть я буду для тебя хоть тем хорош,
Что раньше был всех тех, кто пишет.

О, если бы от них я не сошёл с пути,
Моя бы муза шла бы ровень с веком,
А я бы с веком тоже стал расти,
И был бы в их ряду своим бы человеком.

Но если б с мёртвым пошёл бы только спор, —
Талант, любовь моя — им были бы в укор!

33

Я много наблюдал, как солнечный восход
Вершины гор лелеет благосклонно,
И золотит поверхность бледно-синих вод,
Потом улыбку шлёт зелёным склонам.

Но часто тучи заслоняют небосвод,
Бросая тень горам озолочённым,
Лишая землю дарственных щедрот,
Плывя по миру мраком омрачённым.

Compare them with the bett'ring of the time,
And though they be outstripped by every pen,
Reserve them for my love, not for their rhyme,
Exceeded by the height of happier men.

O! then vouchsafe me but this loving thought:
'Had my friend's Muse grown with this growing age,
A dearer birth than this his love had brought,
To march in ranks of better equipage:

But since he died and poets better prove,
Theirs for their style I'll read, his for his love'.

XXXIII

Full many a glorious morning have I seen
Flatter the mountain tops with sovereign eye,
Kissing with golden face the meadows green,
Gilding pale streams with heavenly alchemy;

Anon permit the basest clouds to ride
With ugly rack on his celestial face,
And from the forlorn world his visage hide,
Stealing unseen to west with this disgrace:

А ты как солнышко моё взошло на час,
Меня любви дарами награждая,
Но нежный цвет любви моей погас,
Когда подкрался мрак, как туча злая.

Но я прощаю сей печальный жребий, —
Бывают тучи в обществе, как в небе.

34

Но почему мне был обещан чудный день?
Я без плаща оставил дом к походу,
Но облаков меня застигла тень,
И я проникнул в облако и в воду.

Пускай потом, я из-за туч пробился,
И чтобы как-нибудь обсохнуть,
Сказать бы просто — ухитрился,
Лицо изранив, чуть не сдохнуть.

Твоей никак не радуюсь печали,
А ты хотя бы сделал вид,
Что все мои сочувствия тебе едва ли
Залечат ран следы невольные обид.

Even so my sun one early morn did shine,
With all triumphant splendour on my brow;
But out, alack, he was but one hour mine,
The region cloud hath mask'd him from me now.

Yet him for this my love no whit disdaineth;
Suns of the world may stain when heaven's sun staineth.

XXXIV

Why didst thou promise such a beauteous day,
And make me travel forth without my cloak,
To let base clouds o'ertake me in my way,
Hiding thy bravery in their rotten smoke?

'Tis not enough that through the cloud thou break,
To dry the rain on my storm-beaten face,
For no man well of such a salve can speak,
That heals the wound, and cures not the disgrace:

Nor can thy shame give physic to my grief;
Though thou repent, yet I have still the loss:
The offender's sorrow lends but weak relief
To him that bears the strong offence's cross.

Но слёз твоих жемчужные ручьи,
Отмоются, грехи для нас ничьи!

35

И брось грустить, я осознал твою вину,
От роз — шипы, серебряный от туч фонтан
Скрывают брызгами и солнце, и луну.
Есть от всего какой-нибудь изъян.

А люди все грешны, и я не меньше всех
Грешу в любой из этих самых строк,
И сам решеньями оправдываю грех,
Не извиняя свой такой порок.

Тебе защитником явился я на суд,
Хочу быть адвокатом я Истцу —
Моя любовь и ненависть идут
Во вред противоположному лицу.

Хоть ты меня обидел, мой Истец,
Но я приму твой грех — суду конец.

Ah! but those tears are pearl which thy love sheds,
And they are rich and ransom all ill deeds.

XXXV

No more be grieved at that which thou hast done:
Roses have thorns, and silver fountains mud:
Clouds and eclipses stain both moon and sun,
And loathsome canker lives in sweetest bud.

All men make faults, and even I in this,
Authorizing thy trespass with compare,
Myself corrupting, salving thy amiss,
Excusing thy sins more than thy sins are;

For to thy sensual fault I bring in sense,
Thy adverse party is thy advocate,
And 'gainst myself a lawful plea commence:
Such civil war is in my love and hate,

That I an accessory needs must be,
To that sweet thief which sourly robs from me.

Признайся, что вдвоём должны мы быть,
Хотя в любви нельзя нас разделить:
Мне не хотелось бы порок любой забыть,
И без него хотелось бы прожить.

Пусть есть в любви одна лишь связь,
Она любовь не может изменить,
Но может в жизни прицепиться грязь,
Которую уже ничем нельзя отмыть.

Как обвинённый, прав я всех лишён —
Тебя при всех открыто пристыдить,
Хоть ты и виноват со всех сторон,
Я всё равно не прекращу тебя любить.

Пусть будет так! Я так тебя люблю.
Так весь я твой, и честь твою делю!

Когда отрада в сыне у отца блестяща,
Предвидит он — отвага сына к юности замрёт.
Я так надеюсь — славой настоящей
Комфорт мой с правдой — всё к тебе придёт.

Let me confess that we two must be twain,
Although our undivided loves are one:
So shall those blots that do with me remain,
Without thy help, by me be borne alone.

In our two loves there is but one respect,
Though in our lives a separable spite,
Which though it alter not love's sole effect,
Yet doth it steal sweet hours from love's delight.

I may not evermore acknowledge thee,
Lest my bewailed guilt should do thee shame,
Nor thou with public kindness honour me,
Unless thou take that honour from thy name:

But do not so, I love thee in such sort,
As thou being mine, mine is thy good report.

As a decrepit father takes delight
To see his active child do deeds of youth,
So I, made lame by Fortune's dearest spite,
Take all my comfort of thy worth and truth;

Но знатность, красота ль, здоровье
В отдельности иль сразу всё придут.
А может по частям в толпе с любовью
Тебе и острый ум, и силу придадут.

Тогда ни бедным стану и не одиноким,
И тень любви большой возляжет на меня.
Тогда твоих щедрот поток глубокий
Меня покроет славой жизненного дня.

Всё лучшее — тебе могу я пожелать,
Ко мне исходит от тебя как благодать.

38

Как может музе не хватить всех слов?
Тебе не следует об этом спорить,
Пока ты задохнись-ка от моих стихов —
Вульгарно на бумаге музе вторить.

Отблагодарить мне дай тебя всего,
Поэт в стихах душой чего-то стоит.
Кто в честь твою не скажет ничего,
Тот пусть тебя ничем не беспокоит.

32

For whether beauty, birth, or wealth, or wit,
Or any of these all, or all, or more,
Entitled in thy parts, do crowned sit,
I make my love engrafted to this store:

So then I am not lame, poor, nor despis'd,
Whilst that this shadow doth such substance give
That I in thy abundance am suffic'd,
And by a part of all thy glory live.

Look what is best, that best I wish in thee:
This wish I have; then ten times happy me!

XXXVIII

How can my muse want subject to invent,
While thou dost breathe, that pour'st into my verse
Thine own sweet argument, too excellent
For every vulgar paper to rehearse?

O! give thy self the thanks, if aught in me
Worthy perusal stand against thy sight;
For who's so dumb that cannot write to thee,
When thou thy self dost give invention light?

А для меня ты будешь музою десятой,
Прекраснее, чем девять остальных.
Чтобы стихи тобою как подарок взятый,
Казались хуже всех моих плохих.

Пусть славу воздадут другие поколения
Меня за труд, тебя — за вдохновенье.

39

О, как воспеть, хвалу тебе воздать!
Твой артистизм — часть лучшая моя,
И мы одно, нас порознь не разъять,
А я один пою, что ты — любовь твоя.

Мы, к сожаленью, существуем врозь,
В любви и дружбе нет двойных имён.
И я хочу, чтоб людям довелось
Узнать бы о тебе со всех твоих сторон.

Разлука! мне б хотелось доказать,
Она — больней и тяжелей нам, чем недуг,
Она нам может в мыслях подсказать,
Что лишь в любви наш внутрений досуг.

Be thou the tenth Muse, ten times more in worth
Than those old nine which rhymers invoke;
And he that calls on thee, let him bring forth
Eternal numbers to outlive long date.

If my slight muse do please these curious days,
The pain be mine, but thine shall be the praise.

XXXIX

O! how thy worth with manners may I sing,
When thou art all the better part of me?
What can mine own praise to mine own self bring?
And what is't but mine own when I praise thee?

Even for this, let us divided live,
And our dear love lose name of single one,
That by this separation I may give
That due to thee which thou deserv'st alone.

O absence! what a torment wouldst thou prove,
Were it not thy sour leisure gave sweet leave,
To entertain the time with thoughts of love,
Which time and thoughts so sweetly doth deceive,

В любви разлука делит сердце пополам,
Люблю того, кому его отдам.

40

Ты всю любовь и страсть мои прими,
Возьми же всё, что мне принадлежало,
И всё, что дружбой названо людьми,
Ты что возьмёшь, тебе всё будет мало.

В моей любви тебя я не виню,
Да завладей ты всем, чем завладеешь,
Но из всего из этого меню,
Лишь упрекну, когда ты охладеешь.

Когда как нищего лишишь моей сумы,
То в бедности прошу любезного мне вора.
С трудом любовные обиды переносим мы,
И тяжелей, чем яд открытого раздора.

Твоё же зло мне кажется добром.
Убей меня, но мне не будь врагом!

And that thou teachest how to make one twain,
By praising him here who doth hence remain.

XL

Take all my loves, my love, yea take them all;
What hast thou then more than thou hadst before?
No love, my love, that thou mayst true love call;
All mine was thine, before thou hadst this more.

Then, if for my love, thou my love receivest,
I cannot blame thee, for my love thou usest;
But yet be blam'd, if thou thy self deceivest
By wilful taste of what thyself refuseth.

I do forgive thy robbery, gentle thief,
Although thou steal thee all my poverty:
And yet, love knows it is a greater grief
To bear love's wrong, than hate's known injury.

Lascivious grace, in whom all ill well shows,
Kill me with spites yet we must not be foes.

Когда меня в твоём сознание нет,
Твоя свобода больно сердце ранит.
И это всё от красоты и юных лет,
К тебе идёт от пьес, да и тебя обманет.

Приветливый, ты лестью побеждён,
И красота твоей игры для всех открыта,
А перед ласками дотошных жён,
Сын женщины, отставка им забыта.

А я! Меня обходишь стороной,
Моих сердечных уз не пощадил,
Передо мной есть долг двойной —
В игре за правду своих юных сил.

Неверную сам красотой пленяешь,
И дважды у меня ты правду отнимаешь.

Что ты владеешь ею — это горе, да не всё,
Теперь я вижу, что моя любовь смешна;
Но что она тобой владеет, то печальней слёз,
Потеря дружбы для меня тем более страшна.

Those pretty wrongs that liberty commits,
When I am sometime absent from thy heart,
Thy beauty, and thy years full well befits,
For still temptation follows where thou art.

Gentle thou art, and therefore to be won,
Beauteous thou art, therefore to be assail'd;
And when a woman woos, what woman's son
Will sourly leave her till he have prevail'd?

Ay me! but yet thou might'st my seat forbear,
And chide thy beauty and thy straying youth,
Who lead thee in their riot even there
Where thou art forced to break a twofold truth: —

Hers by thy beauty tempting her to thee,
Thine by thy beauty being false to me.

That thou hast her it is not all my grief,
And yet it may be said I loved her dearly;
That she hath thee is of my wailing chief,
A loss in love that touches me more nearly.

И вот какое я для вас придумал оправданье —
Любя меня, её не мог ты тоже не любить,
А моя милая к тебе приходит на свиданье
Сказать тебе, что мне она не может изменить.

И если мне терять любовь необходимо, —
Свои любовные потери сам вам отдаю:
Её любовь нашёл мой друг любимый,
Любимая нашла и в нём любовь свою.

Какая радость! если я и ты — одно и то же,
То я, лишь прежде, до тебя был ей дороже.

43

Когда закрою веки, вижу я острей,
Пустых вещей мой взор не замечает.
Но вот заснув, мечты бегут быстрей,
И темнота ясней всё освещает.

Потом вся тьма теней мне ярче светит
Я вижу отраженье тени счастья твоего,
Чтоб светлым днём ясней оно ответит,
Насколько больше явь несчастья моего.

Loving offenders thus I will excuse ye:
Thou dost love her, because thou know'st I love her;
And for my sake even so doth she abuse me,
Suffering my friend for my sake to approve her.

If I lose thee, my loss is my love's gain,
And losing her, my friend hath found that loss;
Both find each other, and I lose both twain,
And both for my sake lay on me this cross:

But here's the joy; my friend and I are one;
Sweet flattery! then she loves but me alone.

XLIII

When most I wink, then do mine eyes best see,
For all the day they view things unrespected;
But when I sleep, in dreams they look on thee,
And darkly bright, are bright in dark directed.

Then thou, whose shadow shadows doth make bright,
How would thy shadow's form form happy show
To the clear day with thy much clearer light,
When to unseeing eyes thy shade shines so!

Каким бы счастьем было б для меня —
Проснувшись утром, наяву увидеть
Твой ясный лик в лучах живого дня,
Который ночью смог меня обидеть.

Мне день казался ночью, не любя,
А ночью видел день во сне я, без тебя.

44

Когда бы мысли в жизнь преображались, —
О, как легко бы, вопреки судьбе,
Все расстоянья мне бы покорялись
Я в миг бы мог перенестись к тебе

Не дело, чтоб нога моя ещё убралась
За тридевять земель в такую даль,
Она бы меж водой с землёй болталась —
Об этом месте было б думать жаль.

Пускай душа убьёт меня, хотя бы в мыслях,
Как в пьесах столь большой длины,
Пускай в прыжке б своём повисла б,
Между водой и небом, спрыгнув с вышины.

How would, I say, mine eyes be blessed made
By looking on thee in the living day,
When in dead night thy fair imperfect shade
Through heavy sleep on sightless eyes doth stay!

All days are nights to see till I see thee,
And nights bright days when dreams do show thee me.

XLIV

If the dull substance of my flesh were thought,
Injurious distance should not stop my way;
For then despite of space I would be brought,
From limits far remote, where thou dost stay.

No matter then although my foot did stand
Upon the farthest earth remov'd from thee;
For nimble thought can jump both sea and land,
As soon as think the place where he would be.

But, ah! thought kills me that I am not thought,
To leap large lengths of miles when thou art gone,
But that so much of earth and water wrought,
I must attend time's leisure with my moan;

Заметь, что я в земле навеки врос,
В воде, — я лью потоки горьких слёз.

45

Другие элементы моего сознания —
Огонь и воздух — более легки;
Дыханье мысли и огонь желанья
Я шлю к тебе, вещам всем вопреки.

Когда же эти быстрые и вольные стихии
К тебе любви моей посольством прилетят,
Со мной останутся ещё другие,
Подобно смерти дух отяготят.

Тоскую я, без жизненных призваний,
И жду, когда придут назад и объяснят
Пришедшие слова твоих посланий,
О том, что друг здоров и помнит про меня:

— Как счастлив я! — Всего одно мгновенье —
Летит к тебе опять моё стремленье.

Receiving nought by elements so slow
But heavy tears, badges of either's woe.

XLV

The other two, slight air, and purging fire
Are both with thee, wherever I abide;
The first my thought, the other my desire,
These present-absent with swift motion slide.

For when these quicker elements are gone
In tender embassy of love to thee,
My life, being made of four, with two alone
Sinks down to death, oppress'd with melancholy;

Until life's composition be recured
By those swift messengers return'd from thee,
Who even but now come back again, assured
Of thy fair health, recounting it to me:

This told, I joy; but then no longer glad,
I send them back again, and straight grow sad.

Мой глаз и сердце — меж собой в войне,
Они не могут поделить твой дух.
Мой глаз не хочет верить мне,
А сердце помнит всех твоих старух.

Клянётся сердце, обвинив тебя во лжи,
А глаз твердит, что чист ты для меня во всём.
Но ты обоим правду им скажи,
И рассуди, неправ из них кто в чём.

Чтоб рассудить такой невнятный спор,
Собрались мысли к сердцу на предмет суда,
И как-то разрешить такой вот явный вздор,
Чтоб помирить глаза и сердце навсегда.

Они совсем наладили разлад,
Доверив сердце сердцу, взгляду — взгляд.

У сердца с глазом — новый договор:
Они опять друг другу вносят муки —
Для сердца глаз напрасно ищет взор
И сердце задыхается в разлуке.

Mine eye and heart are at a mortal war,
How to divide the conquest of thy sight;
Mine eye my heart thy picture's sight would bar,
My heart mine eye the freedom of that right.

My heart doth plead that thou in him dost lie,
A closet never pierc'd with crystal eyes,
But the defendant doth that plea deny,
And says in him thy fair appearance lies.

To 'cide this title is impannelled
A quest of thoughts, all tenants to the heart;
And by their verdict is determined
The clear eye's moiety, and the dear heart's part:

As thus: mine eye's due is thine outward part,
And my heart's right, thine inward love of heart.

Betwixt mine eye and heart a league is took,
And each doth good turns now unto the other:
When that mine eye is famish'd for a look,
Or heart in love with sighs himself doth smother,

Твоим изображеньем зоркий глаз
Позволит сердцу любоваться вволю.
А сердце глазу в следующий раз
Мечтам любовным уступает долю.

Так наяву иль в помыслах моих
Твоя игра на сцене предо мной предстанет.
Не дальше мыслей можешь ты уйти своих.
Я неразлучен с ней, и он не станет.

О! если они спят, передо мной твой вид,
Он будит моё сердце и в глаза глядит.

48

Так тщательно готовясь в дальний путь,
Я все стихи и все безделки запер на замок,
Чтоб на моё богатство не могли взглянуть Хо-
зяева нечестных рук, переступив порог.

Тебя как драгоценность больше жизни жаль,
Ты самый ценный и блестящий мой убор,
Мой самый лучший друг, моя печаль —
Актёра как добычу может выкрасть вор.

40

With my love's picture then my eye doth feast,
And to the painted banquet bids my heart;
Another time mine eye is my heart's guest,
And in his thoughts of love doth share a part:

So, either by thy picture or my love,
Thy self away, art present still with me;
For thou not farther than my thoughts canst move,
And I am still with them, and they with thee;

Or, if they sleep, thy picture in my sight
Awakes my heart, to heart's and eyes' delight.

XLVIII

How careful was I when I took my way,
Each trifle under truest bars to thrust,
That to my use it might unused stay
From hands of falsehood, in sure wards of trust!

But thou, to whom my jewels trifles are,
Most worthy comfort, now my greatest grief,
Thou best of dearest, and mine only care,
Art left the prey of every vulgar thief.

В какой же клетке мне запрятать божество,
Чтоб сохранить твоё искусство взаперти?
Где, как не в нежной тайне сердца моего,
Войди свободно, и всегда ты волен отойти.

Боюсь, что даже там нельзя укрыть алмаза,
Желательного для придирчивого глаза!

49

В тот чёрный день, когда он к нам придёт,
Когда увидишь все мои пороки,
Когда твоя любовь все меры превзойдёт,
И ты объявишь мне свой приговор жестокий;

Когда в толпе, со мной сойдясь, пройдёшь,
Меня как солнце ты одаришь своим ликом,
Увижу я, какой покой и холод ты несёшь
В твоём лице любимом, светлом и великом.

В тот миг пойму, как я судьбой наказан
По справедливости заслугами своими.
И только сам себе, клянусь, обязан
Законными причинами такими.

Thee have I not lock'd up in any chest,
Save where thou art not, though I feel thou art,
Within the gentle closure of my breast,
From whence at pleasure thou mayst come and part;

And even thence thou wilt be stol'n I fear,
For truth proves thievish for a prize so dear.

XLIX

Against that time, if ever that time come,
When I shall see thee frown on my defects,
When as thy love hath cast his utmost sum,
Called to that audit by advis'd respects;

Against that time when thou shalt strangely pass,
And scarcely greet me with that sun, thine eye,
When love, converted from the thing it was,
Shall reasons find of settled gravity;

Against that time do I ensconce me here,
Within the knowledge of mine own desert,
And this my hand, against my self uprear,
To guard the lawful reasons on thy part:

Ты прав меня оставить, мой любимый друг,
Для счастья у меня нет никаких заслуг.

50

Как тяжело мне начинать свой путь,
И ожидая лишь усталость от всего,
Учусь, как лёгкость с отдыхом вернуть,
И как измерить, сколько миль от друга моего.

Мой конь везёт меня, усталого от горя,
Бредёт лениво, тяжестью томим,
Ведь знает негодяй, моей потере вторя,
О том, что с другом разлучён своим.

Кровавых шпор не слушается он,
И в гневе он взбрыкнёт в укор,
Иль так вздохнёт, как будто это стон,
А не причина боли в острой шпоре.

Я думаю, со стоном вглядываясь вдаль:
За мною — радость, впереди — печаль.

To leave poor me thou hast the strength of laws,
Since why to love I can allege no cause.

L

How heavy do I journey on the way,
When what I seek, my weary travel's end,
Doth teach that ease and that repose to say,
'Thus far the miles are measured from thy friend!'

The beast that bears me, tired with my woe,
Plods dully on, to bear that weight in me,
As if by some instinct the wretch did know
His rider lov'd not speed being made from thee.

The bloody spur cannot provoke him on,
That sometimes anger thrusts into his hide,
Which heavily he answers with a groan,
More sharp to me than spurring to his side;

For that same groan doth put this in my mind,
My grief lies onward, and my joy behind.

Коня-то оправдать ещё могу за тихую езду,
Он не ленив, везёт меня он в ссылку.
Ну, разве он не прав в упрямстве чаять мзду,
Пока я не вернусь, чтоб рыть себе могилку?

Но как его простить, коль бедный конь,
И возвращаясь, станет спотыкаться?
И поскачи я против ветра, как огонь,
Мне это будет медленным казаться.

Догнать желания не смогут никакие кони,
Даже когда они со ржаньем мчатся вскачь.
Только любовь их всё же перегонит
И говорит ленивейшей из кляч:

- Ты, бедная, беги себе шажком,
А я помчусь вперёд тебя пешком!

Я был бы так богат, когда бы ключ святой
Принёс открытый кем-то клад священный,
Который я мог бы наблюдать часок другой
Вблизи с восторгом непрременным.

Thus can my love excuse the slow offence
Of my dull bearer when from thee I speed:
From where thou art why should I haste me thence?
Till I return, of posting is no need.

O! what excuse will my poor beast then find,
When swift extremity can seem but slow?
Then should I spur, though mounted on the wind,
In winged speed no motion shall I know,

Then can no horse with my desire keep pace.
Therefore desire, (of perfect'st love being made)
Shall neigh, no dull flesh, in his fiery race;
But love, for love, thus shall excuse my jade-

Since from thee going, he went wilful-slow,
Towards thee I'll run, and give him leave to go.

So am I as the rich, whose blessed key,
Can bring him to his sweet up-locked treasure,
The which he will not every hour survey,
For blunting the fine point of seldom pleasure.